

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА

Article is devoted the analysis of a problem of influence of social memory and social experience on formation and realisation of certain variants of historical development. The decision of a problem of the conflict of cultures in the modern world assumes a choice of optimum strategy of interaction of various communities on the basis of dialogue and an effective exchange of experience.

Введение. В мировой истории хотя и найдутся примеры существования культур, которые были бы самодостаточны и практически никак не контактировали с внешним по отношению к ним миром, тем не менее, это будет скорее редким исключением, чем обычным явлением. Человечество немыслимо без феномена социальной памяти и социального опыта. Однако по-прежнему во многом открытыми остаются вопросы о границах и эффективности их использования. Онтологически проблема связана с категориями общего и единичного, закономерного и случайного: совершенно очевидно, что использование чужого опыта возможно только при признании хотя бы на эмпирическом уровне повторяемости (закономерности) исторического развития. В то же время возможность заимствования исторического опыта напрямую связана с уникальностью исторических явлений, событий, собственно этот опыт и составляющих.

Основная часть. Механизм выбора обществом того или иного варианта исторического пути развития неизбежно включает в себя процедуру анализа и использования социально-исторического опыта. Опыта не только и не столько собственного – приобретенного всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий, но и транслированного иными социальными системами, т. е. заимствованного, возникшего таким же образом у других народов и культур, но «взятого напрокат» [1, с. 174].

Это означает, что в процессе принятия решения активный социальный субъект обращается либо к предыдущим состояниям собственной системы, либо к другим системам, уже реализовавшим иные модели поведения и добившихся при этом более эффективных результатов.

С первым типом рефлексии и анализа исторического опыта связано прежде всего контрфактическое моделирование, т. е. попытка представить, как развивались бы события, если бы побежденная в действительности и нереализованная альтернатива, упущенная возможность, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться. Вообще, когда речь идет о проблеме исторического выбора, то обычно высказывается мысль, что «история не знает сослагательного

наклонения». Об этом твердят настолько часто, что пройти мимо данного тезиса практически невозможно. По справедливому замечанию С. А. Экштута, при изменившихся условиях отвергнутые ранее варианты развития событий могут вторично обрести онтологический статус и еще раз получить в реальном пространстве и реальном времени исторический шанс для реализации [2, с. 70].

Именно анализ нереализованных, либо не вполне реализованных планов и потому незавершенных событий, позволяет понять, что помешало достижению первоначально поставленной цели; достижима ли вообще была эта цель; что надо было предпринять и какие силы и средства выделить, чтобы все-таки добиться требуемого результата.

Второй тип влияния связан с анализом и усвоением опыта других народов, государств, культур. Этому аспекту социального выбора мы уделим особое внимание. Ведь исключительное, порой гипертрофированное, значение, придаваемое чужому опыту, не позволяющее видеть пророков в своем Отечестве, кроется не только в особенностях общественной психологии. Позитивному отношению к собственному опыту, опыту «индивидуальной биографии» социума, очевидно, мешает то обстоятельство, что состояние, в котором находится субъект в момент выбора, есть результат именно предыдущей эволюции. Желание устранить недостатки имеющейся модели естественным образом стимулирует обращение к опыту обществ, уже преодолевших эти недостатки или избежавших их возникновения. Фактор наличия иных, более успешных, на взгляд выбирающего субъекта, вариантов эволюции, кажущееся отсутствием необходимости «изобретать велосипед» становится решающим элементом механизма выбора. Как следствие, общество выбирает модернизацию догоняющего типа, в основе которой, по определению, находится использование чужого опыта.

Положительная сторона обращения к этому типу социального опыта кроется в очевидной возможности избежать непредсказуемых трудностей, использовать уже апробированные варианты. Наибольшую эффективность данный подход демонстрирует в первую очередь в сфере экономики и технологии. Практически все современные «экономические чуда» (японское,

корейское, китайское и т. д.) так или иначе связаны с возможностью заимствования опыта других, прежде всего в сфере технологий и организации производства [3, с. 195–196].

Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Намного уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример «цивилизованных стран». Исходные условия, стартовые позиции в этой «гонке за цивилизованностью» отходят на второй план, появляется искушение пренебречь ими. Как следствие – появление экономических, политических, социальных программ, генетической связи с предыдущим развитием данного социума не имеющих. При этом, несмотря на все усилия и кажущиеся логичными программы, ссылающиеся на опыт других стран и народов, несмотря на заимствование моделей, уже эффективно проявивших себя, значительная часть политических и экономических реформ, как правило, не достигает изначальных целей. В целом, как отмечает А. С. Панарин, «дезертирство элит» из сферы национальных интересов в глобалистские структуры в эпоху катастроф и кризисов – явление почти закономерное [4].

Возможная причина кроется в том, что видимая индифферентность основной части общества, отсутствие явного массового противостояния предлагаемому варианту принимается элитой если не за поддержку, то, по крайней мере, за готовность не препятствовать реализации предлагаемого варианта. Необходимость выбора и, следовательно, предлагаемые рецепты не осознаются народом, делая невозможным формирование полноценного субъекта выбора. Элита, интеллектуальная, политическая, и народ попадают в своеобразный диссонанс. Вместо единого национального пространства «образуются параллельные, практически нигде и никак не пересекающиеся пространства туземной массы и глобализирующейся элиты» [4, с. 66]. Осознание этого может привести к расколу самой элиты. Не случайно процесс реформ в России в 90-е гг. прошлого века происходил на фоне противопоставления «крепких хозяйственников», знающих «реальную» жизнь, «младшим научным сотрудникам», все свои представления почерпнувшим из книг в тиши кабинетов. Фактически это означало формирование двух линий по отношению к историческому опыту других народов и возможности его заимствования: умеренной и радикальной.

Возникает проблема ответственности субъекта действия перед обществом за свою дея-

тельность. Роль и ответственность интеллектуальной и политической элиты на первых этапах процесса выбора исключительно велика. М. Вебер так говорит об этом: «Если дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающей инстанции так, как будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям, то честь политического вождя, т. е. руководящего политического деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может, не имеет права» [5, с. 666]. Вебер в этом высказывании возлагает личную ответственность на политика как индивидуального субъекта социального действия. Но ответственность за выбор в обществе несут и более многочисленные субъекты, будь то социальная группа, класс и даже все общество в целом. Такого рода ответственность может возникать как перед современниками, так и перед далекими потомками. Историческая и социальная ответственность принимает различные формы: от морального осуждения до международного суда.

Вопрос, почему заимствование не всегда дает желаемый результат, естественным образом влечет за собой следующий – каковы ограничения в использовании чужого опыта, как и почему они возникают? Наиболее простым и естественным выглядит предположение о решающей роли различий в исходных посылах, в типах и структуре системных связей, не позволяющих в полной мере использовать исторический опыт других народов. Он может быть заимствован у соседей по планете лишь частично.

В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данному обществу (вплоть до «гуманитарной интервенции»). Примеры одновременной реализации обоих конкурирующих вариантов, сопровождавшиеся распадом единой системы (две Кореи, два Вьетнама, две Германии), связаны именно с чужим влиянием, выражающемся не только в апелляции к чужому опыту, но и в обращении к его носителю о прямой помощи.

Сомневаться в том, следует ли транслировать чужой опыт, очевидно, уже поздно – процесс идет весьма интенсивно и в самых разнообразных формах: от разного рода общественных и государственных фондов и институтов «агентов влияния», «мозговых трестов», направленных на идеологическое программирование сознания народов, и прежде всего элит, с целью установления «нового мирового порядка» до международных и межгосударствен-

ных организаций. Вместе с тем наличие чужого социально-исторического опыта может стать серьезной помехой на пути накопления своего собственного, затормозить или не допустить выработки альтернативных решений (стратегий). Следует, по крайней мере, согласиться с тем, что любая страна достигала наибольшего успеха только тогда, когда находила свой собственный путь развития, а не слепо воспроизводила иноземный опыт. «Подражание не может быть источником вдохновения. На основе ученичества государство, сколь-нибудь значимое на мировой арене, не построить и даже не сохранить», – пишет Ч. С. Кирвель. – «В культурных контактах и заимствованиях может происходить передача внешних форм, но «смыслы» (если прибегнуть к высказыванию Шпенглера) не передаются» [6, с. 215].

Исторический опыт свидетельствует: нельзя общество, относящееся к одному типу развития, перевести в одночасье на принципиально иной путь. Личность – да, она через несколько поколений полностью ассимилируется в новой среде, воспримет другие ценности (иначе невозможна была бы эмиграция). Но сообщество людей, которое имеет внутренние механизмы жизнедеятельности, перевести быстро, по чьему бы то ни было решению, на другой тип нельзя: оно деградирует и разрушается.

Заключение. В принципе, заимствование «чужого» варианта развития возможно, а в некоторых случаях даже неизбежно, но имеет свои пределы и ограничено степенью сохранения в данном обществе элементов «почвенности», традиционных структур и психологии,

что в свою очередь отражается на различиях форм политических проявлений, полиморфизме социально-экономической жизни и мультикультурности социума. Заимствование чужого опыта может быть полезным и эффективным лишь при условии наличия собственной основы, собственного ядра и смыслообразующей идеи. Если всего этого нет, то рассчитывать на успех, процветание и самостоятельность не приходится.

Литература

1. Флиер, А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А. Я. Флиер // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 1. – С. 166–183.
2. Экштут, С. А. «Несбывшееся – воплотить!» Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории / С. А. Экштут // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* – 2000. – Вып. 2. – С. 70–94.
3. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст / А. Н. Чумаков. – М., 2006. – 516 с.
4. Панарин, А. С. Дезертирство элит в эпоху катастроф / А. С. Панарин // *Трибуна русской мысли.* – 2002. – № 1. – С. 58–76.
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // *Избранные произведения / М. Вебер.* – М., 1990. – С. 644–706.
6. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.] – Гродно, 2008. – 532 с.